

Приближение к образу в Успенском соборе

По мере приближения к фресковым изображениям... продолжительного, поначалу почти отстранённого, присутствия рядом, пытливого всматривания, хождения от стены к стене, от образа к образу, вдруг совершенно явственно осозналось, что эта живопись, крохотный фрагмент великого монументального целого, непостижимого теперь живописного космоса, малый осколочек его, дошедший к нам, – как бы противилась всматриванию в себя, реально и упруго противостояла чувственному, рациональному, эстетическому даже – проникновению. Образ буквально не подпускал к себе, не отвечал пытливому и торопливому блужданию вокруг да около себя человеческого тела, вместителища отстранённых чувств и мыслей. Живопись, либо сокрытый ею Первообраз, будто бы устыжая во мне внешнее, отстранённое любопытство, не хотела открываться и отвечать мне, более того, противостояла своим сокровенным естеством и назначением, желая иных, взаимно проникновенных, искренних и доверительных отношений.

И без досужих размышлений вполне понятно, что храмовый декор, живопись, как его часть - настроена на гармонизацию храмового пространства, на внешнее поддержание, на обрамление красотой служения Богу людей, собравшихся здесь и предстоящих для общего делания – литургии. Живопись участвует в некоем гармоничном и эстетическом – оформлении совершающегося таинства. И тут вдруг почувствовалось, что, как ни взывает к эстетике «дух пытлив» - не отзывается, не открывается ему образ, настроенный прежде всего на со-гласие с общей молитвой. Подумалось почти крамольное тогда: образ Божий, иконный ли, монументальный – вообще не создан для рассматривания его. Образ - не для анализа символических конструкций, не для синтеза стилистических аналогий, околообразных исторических рефлексий, сторонних общекультурных аллюзий, не для научных атрибуций, иных самозаключений ума, упразднившего себя... высвободившего себя от Бога. Подумалось тогда, что, рассмотреть себя, как следует, позволяет, пожалуй, лишь миниатюра, если позволительно так сказать, утилитарным своим предназначением. Миниатюра не восстанет, не воспротивится под пристальным взором. Миниатюра – орнаментальное ли, иконографическое изображение, - будет всегда расположена в образном пространстве слова, внутри или в связи со страницей текста. Человек читающий, произносящий текст, остаётся с изображением в книге один на один, лицом к лицу (лику). Миниатюра легко позволяет вникнуть в себя, привлекает внимание, понуждает взор остановиться на себе, помогает соотнести изображаемое с прочитываемым текстом, позволяет прервать само чтение пред образом на странице, сделать паузу для размышлений над прочитанным, восчувствовать в себе изумление и радость понимания. Возможно повторное прочитывание текста в присутствии образа... Всё это, конечно же, позволительно и естественно, если с текстом и изображением в нём остаёшься как бы накоротке, «с глазу на глаз», но не в ходе чтения за общей молитвой, предполагающей, в первую, главную очередь, - именно слышание текста. В общей храмовой молитве не представить себе даже краткую паузу в текущем проследовании чтений за Богослужением. Ничем не оправдать остановки чтения – течения слова в среде молящихся и преклоняющихся перед святыней.

Иначе с иконой в храме, пусть и с почитаемой иконой, с образом на аналое... с образом монументальным, буквально вмещающем нас в своё образное пространство. Мы не подменяем... по крайней мере – усиливаемся не подменить своей молитвы, не заместить Богослужения - любованием иконой. Но что нас так притягивает именно к образу в храме... не позволяет отстраниться мысленно и физически - отойти от образа в молитве перед ним? - эстетическое ли радование, внезапное уверение, уяснение смыслами, открывшимися вдруг в изображённом... благодарное благоговение вблизи с восчувствованным Первообразом... глубоко личное, сокрушение и боль отодвигаемой сердечной глыбищи...

Совсем сложно скрыть в себе любование красотой образа в молении перед ним. Да и нужно ли устранить себя от этого любования, от радости видения образа... важно уделить этой радости, этому любованию достойное место в молитве. Можно сказать, что красота образа, являя себя, впечатляя собой, может несколько препятствовать устремлению к Первообразу, если иметь в виду одну лишь эту красоту и собственно образность. Если удовлетворять себя одной эстетикой и ласканием чувств, насыщением разума от созерцания изображения, если утолять в себе жажду постижения вне-образного

Бога. Так образ может иссушить молитву, не напитывая её Господом живым. Быть может, это услаждение вполне органично теперь и желанно для глаз и душ, склонных к утолению красотой, эстетикой, чувственной, душевной областью человека, воспринимающей образ, склонных удовлетвориться образом. Вспомним же: подобное познаётся подобным. Лишь образом Божиим в самом человеке можно распознать образ Бога в иконе. Область духовная, едва тлеющая в глубинах человеческих сердец, либо угасшая совсем, зачастую ничего не ведающая об иконе, как образе Божием, дышащем благодатью... душа безмолвствует, немолвствует сердце. приближаясь к духоносному изображению. Будто бы молчит образ перед человеком, затворившим свои чувствилища. Что же, освежая, ободряя в себе некую способность воспринять образ, остережёмся прикосновений поспешных, несколько отстранимся теперь, умалим в себе чувствования, остережёмся фантазий и скороспелых... неизбежно скороспелых суждений. Быть может, некая мысленная риза, нарочито воздвигнутая на образ Бога в самом себе, как риза на иконе храмовой окажется впору и ко времени. Пусть себе блещут богатством внешнего золота, каменьев... чувственных покровов тлеющему духу, зыбкой душе, – всё не обожжёт образ откровенный в иконе - душ не приготовленных, не привычных чувств, не угасит вялого в нас, во мне духа. И вложим свою невнятно теплящуюся любовь – в лобзание ризы, оклада, позёма, иконного поля, приоткрытой окладом стопочки, либо десницы. И вновь поклон... Хоть бы внешне – приблизить себя ко смирению перед видимым, но сокровенным образом Божиим.

Мыслимо ли представить прерывание Богослужения, дабы рассмотрели молящиеся изображаемое и, созерцая, вникли, в его суть, ускользящую в Богослужебной динамике., Возможно ли, например, прервать паремии с чтением пророчества Даниилова, чтобы получше рассмотреть, как это изображено в росписи на стене, как виделось давнему мастеру пророчество, откровенное образом... Мыслимо ли было прежде, да и теперь за малостью таковой прерывать служение, остановить дело общего спасения, где Сам Господь - посреди нас. Тут довольно бы и единого ощущения, вполне несмышлёного, - свидетельства, привнесённого на былинную Русь языческими посланниками князя Владимира. Свидетельства – о красоте, о пережитом состоянии восторга - исторженности увиденной, уведанной красотой из обыденного и привычного. «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как сказать об этом, знаем только, что пребывает там Бог с людьми...». «Не знали» – отнюдь не от недостаточного разумения смыслов, тонкостей и нюансов увиденного, либо услышанного, но от некоего погружения в пространство красоты приемлющей, близкой... в объём величия общего служения вне различения частных звучания гласов, запаха, динамики движения, статики форм, переливов цвета, изображений... От слышания ли только – уверовали посланники святого князя Владимира, озарённые распахнувшимся образом в мир сей из «области заочной». Как знать, не видимой ли, зримою красотой вошла вера в глубины Святой Руси. Ничуть не противореча евангельскому «от слышания – вера», но преисполняя наших предков внезапной любовью по-детски чистою, свежей, истовой, радостной и доверительной - к раскрывшейся красоте Господа. Как знать, быть может, зиждется на Руси вера всё более – красотой, созерцаемой, образом красноречивым. Так, в сознании Фёдора Достоевского красота обретает уже онтологически Божественные свойства, значение одного из имён Бога, Спасителя, осознаётся, как Спасаящая мир –

Красота, как Сам Христос. Конечно же, не о «красоте скоромимоходящей» здесь речь. Но о торжествующем Первообразе красоты. Не познаваем Бог по существу, но открывает Себя Непознаваемый Своей благодатью, явленной красиво. Не об этой ли красоте сотворённого мира произнёс Творец Своё «Хорошо». Не дерзаем и помышлять о личных благодатных состояниях, не по грехам моим удостоиться, но милости Господней возможно всякое, на неё и уповаю... Но знаю о себе, что преисполнено сердце радости от пережитой встречи образа, от чувственного опаления им. Остерегаюсь прелести чувств и красных словес, но жаждет излиться устами ликование о прикосновении к непознаваемому, воспринятому в изображённой живописанной красоте. Вот и усилюсь высказаться от неведения своего здесь и теперь... в соборах Владимира.

Далеко, однако, путано забрёл от Успенского храма в своих сбивчивых суждениях, всё не решаясь приступить к избранной для себя цели, к живописному образу. Попробую теперь вновь, пусть бы мысленно, вернуться в собор и продолжить о начатом. Подумалось, что милосердием Божиим не только лишь в Богослужении приоткрывается образ и в нём Первообраз – Бог привлекает, приобщает к Себе, доверяет Себя уму ищущему, сердцу люботрудному, отзывчивому. Быть может, как то особенно снисходителен Господь во времена апостасийные к чахлости наших умов и сердец, блуждающих вне Богослужения в полумраке храмов и музеев, не озарённых молитвенным горением. По немощи нашей и дерзостной молитве – отзывчиво человеколюбивое снисхождение Божие. Явлением образа Своего – видимо и осязаемо – быть может именно так теперь стучится Господь к нам, нечувственным невеждам, так умягчает наше окаменение, возгревает оледеневшую, непробудную молитву. Рассматриваем икону чуть ни под микроскопом, считаем кристаллики охр, голубцов, белил на квадратный миллиметр красочного слоя...увеличиваем фотографии до пикселей, проникаем на леса, глядя в упор, бесстыже, чтобы рассмотреть хоть что-то... выискиваем аналогии в изображениях, почитая это занятие научным делом... Всё это вовсе не предполагалось к рассматриванию, автор иконы помышлял иными категориями, созидал силами иными... или Господь пел образами через дудку Свою, через мастера изографа, одаренного живо чувствующим молитвенным сердцем и живописующей кисточкой. А нынче от своего невежества или бесстыдства – как бы со стороны подсматриваем за образом, нарочито сокрытым, удалённым от любопытствующих взоров. Чувствуя некоторое неприличие даже, оправдываешь себя, вспоминая уверение Фомино, – и дерзаешь вложить в образ свою любопытную десницу. Ужели от одного только слышания – вера наша... любопытная вера – моя.

Быть может – фантазируем – недоумевал бы, смущался чернец Даниил, узнав, какими придут к нам его фрески, как мы теперь станем взирать на них, придавая им некое самостоятельное значение, отделённое от храма, от общего служения, отыскивая в них некую самостоятельность искусства, как мы станем вдумываться в них, вчувствоваться, оставляя молитвы. Прости же нас, отче Данииле, помолись о нас, отче Андрее, о пустых, невежественных в едином на потребу, чёрствых духом, заблудших, помрачённых... и – дерзновенных не по разуму.

И всё же. Ведь увиделось нечто вблизи крохотного фрагмента былого великолепия, вблизи угасающего огня чудных фресок, вблизи осколка огромного утраченного целого непостижимой теперь архитектоники образа... Это ли отсветы былого духоводства ко

спасению... отзвуки гимна, некогда пропетого образотворцами, органичного общему восприятию монументальной храмовой росписи. Теперь же здесь, явственно конечно же не мне одному, восчувствовались прежде и превыше всего – радость и трепет предстояния, ожидания и... встречи... Остановим ли себя, помышляя об одной лишь встрече с иной, неведомой, эстетикой, с мировоззрением иным. Или так Господь желает быть откровенен с нами, закрытыми от Него и наш восторг перед образом – есть горение сердца, не способного распознать своего Христа на пути Эммаус.

В Успенском соборе, внутри монументальной иконы, внятно увиделось и осозналось, как явление совершенно уместное и естественное, проявление обратной перспективы в устройении образа. Назовём это так вослед кропотливому исследователю и, быть может, первооткрывателю этого термина. Достаточно подробно писал об этом отец Павел, преломляя мысленные копья об иконные поля. Сейчас принято рассуждать на сей счёт, используя термин «образное сакральное пространство». Обратная перспектива, как выразительный художественный метод, отвечающий задаче устройства сакрального пространства молитвы, отражает смыслы и определяет точку воззрения человека на мир и на Бога, включая и воззрение Божие на человека в мире. Иконное пространство становится частью этого взаимного воззрения, областью соприкосновения и взаимного проникновения тварного мира и мира Божьего, открывающего себя. В единстве с воззрением человека на мир Божий, воззрением воспринимающим, осознающим – в сакральном пространстве образа возникает область воззрения Божьего на мир наш и человека в нём. Трудно осознаваема неразделимость и несовместность этих точек воззрения и пространств, взаимно проникающих друг друга... Столь же трудно уразуметь догмат о нераздельности и неслиянности природ во Христе, но возможно принять это сердцем, как данность, единственно истинную. Обратная перспектива является лишь гениальным, богооткровенным отображением, художественным воплощением практически воспринятого, осознанного и пережитого опыта веры – взаимной связанности и взаимного видения, узнавания, ведения Бога и человека. Позволим себе предположение, почти невероятное, о том, что в действительно развивающемся символизме обратной перспективе Сам Бог через иконописное произведение человеческого творчества - познаёт человека, познаёт более чем человек может познать своего Творца. То же в полной мере можно сказать о символе иконы вообще и о символе храмового пространства, символе литургическом. Обратная перспектива, использованная, как принцип в устройении образа может быть понята и как зримое оформление ракурса воззрения на мир, как способ изображения, соответствующий видению, методу познания и понимания, в которых изображаемый образ не предполагает одного только смотрения на себя. Первообраз отображённый – взаимно всматривается в человека, созерцает его, это всматривание выражено художественным способом обратно-перспективного устройства образного пространства. Такой «созерцающий» образ и «работает» совсем иначе, будто открывая возможность нечувственному, вышеестественному миру деятельно проявиться в мире естественном, осязаемом. В некотором смысле устройство обратной перспективы в образном пространстве есть художественное исполнение воззвания Иоанна Предтечи, вопившего гласом в пустыне: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк.1:3). И образ, устроенный, как прямой путь к нашему сердцу – есть образ обратно-перспективный, из непознаваемого – к нам, во глубину наших сердец. Образ выправляет путь Господу и устраивает этот путь к тому, чтобы невидимому Богу удобнее и возможно

было проявить Себя, высвободив нас от власти видимого мира сего. А сей мир в заскорузлой падшести - непроницаемо заключает в своей клетке, в порабощении прямой перспективе, диктующей точку зрения лишь на себя самого... и вне образа нет пути обратного, навстречу к нам. Образ иконы ли, росписи монументальной, архитектурного пространства воссоединяет миры: внутренний человеческий, окружающий видимый, обыденный и – невидимый, мир не от мира – воссоединяет собою через чувственную, видимую структуру живописи, отчасти и через возможность осмысления её форм и символических значений, но не только так. Образная живопись становится окном - символом, впускающим естественный и реальный духовный свет. Собственно Свет, веяние Духа, проникающего через символ, и ничто иное, - есть единственное назначение образа. В окно это совершенно не следовало бы смотреть беззащитно, не благоговейно, без опаски. Тем более, не следовало бы отыскивать в образе отражения своих чувств, помыслов, смотреться в образ... быть может, не следовало бы и вообще подходить к образу слишком близко... Лишь единое на потребу действительно важно вблизи его – пребывать во Свете открывающемся, согласно молитве личной, молебствию и служению Богу. Или же – чаять Света – Истины, жаждущей посетить нас и медлящей в виду нашего греха и нашей отстранённости от Первообраза – Бога. В виду и в пространстве образа, раскрытого перед нами действительно достойно лишь единственно важное: смиренное и тихое молитвенное пребывание. Пространство это приближается, принакает к нам, вмещает нас вне какой-либо зависимости от нашей научной осведомлённости, эстетической восприимчивости, не от развитого в нас навыка к восприятию, опыта множественных встреч с образом. Пространство предстояния образу воистину исполнено светом, пусть бы и светом невидимым нами, светом, истекающим отнюдь не на плоды кабинетных штудий, исходящим отнюдь не от изощрённости наших суждений, не от горения творческого. В распахнутом, откровенном окне образа явно или потаённо - дышит Сам Дух, ибо хочет дышать тут. Образ словно бы задыхается в отстранении от человека, от живой молитвы перед ним, не живёт сам по себе, но жаждет человека, оживотворяется жизнью земной. Образ включает предстоящих ему людей в своё пространство, во взаимное со-зерцание, взаимное созерцательное познание. Образ – будто бы покров на лице Бога перед нами, утаивающий нестерпимое видение, не вместимое нашими чувствами зрелище Божественного естества. Отсвет этого образного света, словно тавро запечатлевается в людях, износится их храма в мир, сокровенный в душах, сердцах, мыслях... Или же так, через опаление, через впечатление образом видимым - оживотворяется образ Божий, вложенный в человеческие составы и первоосновы, в тварное естество человека.

Поднимем же голову в храме от персти земной к монументальной высоте видимого нами образа. Порой, даже и при желании не присмотреться к нюансам живописи на недостижимом взору расстоянии от предстоящего человека до изображённого, пусть бы и были теперь краски первозданно сочными, насыщенными цветом, линии отчётливыми, цветовые контрасты выразительными. Не могли эти живописные и смысловые нюансы росписи храма, беззащитно «познаваемые» нами теперь, от самого творческого сотворения, от замысла своего зримо и явственно открываться молящимся, даже и при обильно затепленных огнях свечей, да лампад. А перед образом монументальным и свечи-то не вознести, как перед не иконой, почитаемой особенно... персонально... Храмовый образ почитаем, как целое, вместившее наше существо, нашу молитву... и возможно ли

проявить молитвенное почитание к его части, к отдельной части стены храма, раскрывшейся образной композицией. Предполагаем, что молитвенное почитание Первообразу перед монументальной стенописью – вне обычной церковной практики. Знаем о ином, о явлении икон монументальных, обновлениях, миро и кровотоении стен... и говорим общее, обиходное. Говорим... а Дух дышит, где хочет дышать и так, как желает Он Сам. Живописная фреска, пусть и гениальнейшая из возможных, в практике обиходной скромно мерцает, исподволь настраивая душу на тихий, тонкий, изящный и грациозный лад свой, не становясь помехой молитве, не увлекая сердечного внимания к себе. Пространственный образ – величественно содержит в себе и сопровождает мерное течение Богослужения, почти незримо воссоединяя с Единым Камертоном, настраивает на Него, открывая звучание Истины для человеческих глубин. Из этого настроения – легче произнести нам, извергнуть пред Господом искреннее своё: «Боже, милостив буди мне, грешному».